

Олег Усенко,
кандидат исторических наук

ОТОТОМАНУС, ИЛИ СЫН ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА *Галерея лжемонархов от Смуты до Павла I*

Самозванцы – это колоритнейшая подробность русской истории на протяжении двух столетий, с 1601 по 1801 год. До сих пор среди лжемонархов немало не только тех, кто знаком лишь историкам, но и таких, чьи имена и происхождения станут открытием даже для специалистов. Первые 16 самозванцев эпохи Смуты нам уже известны (см.: Родина. 2004. № 5). Общая картина притязаний на трон самозванцев разного рода и племени впечатляет гораздо больше: за два века на территории Российского государства действовали ни много ни мало 147 лжемонархов: правда, в XVII веке их было «всего» 29, зато в следующем, «просвещённом» столетии – сразу 118. Получалось, что в среднем каждый год приносил по самозванцу и даже чуточку больше. Присмотримся к ним поближе и увидим, что искатели приключений «проявлялись» на Российской земле не только в роли русского царя, но и других уважаемых монархов, не исключая турецкого султана.

КТО ТАКОЙ САМОЗВАНЕЦ?

Прежде чем огласить весь список самозванцев, определим, кого надлежит в него включать. По нашему мнению, самозванец вообще – это дееспособный и правоспособный индивид, который:

1) знающим его людям открыто (словесно или письменно) заявлял сам, или давал понять намёками, или убеждал их чужими устами, что он не тот, за кого его принимают, и выдавал себя за носителя иного, нежели в действительности, имени и/или статуса, а от людей, не знакомых с ним, скрывал свои истинные биографические данные или искажал их, играя новую роль (неважно – взятую вследствие заранее обдуманного плана или спонтанной реакции окружающих), и всё это делал прежде всего для того, чтобы лично воспользоваться плодами своих усилий;

2) однажды начав играть новую роль (даже если она была принята им под принуждением или в состоянии опьянения, аффекта, душевного расстройства), подкреплял соответствующие этой роли заявления (свои или чужие) целенаправленными действиями (если, конечно, не был схвачен сразу после «проявления»), выстраивал своё дальнейшее поведение так, чтобы оправдывать ожидания поверивших ему людей, пусть даже общался с ними нерегулярно и тайно, при этом либо вообще не отрекался от вновь принятой роли, либо делал это лишь под принуждением;

3) притязал на новый статус, объективно не имея на то никаких прав, причём его притязания были признаны необоснованными как современниками, так и потомками (историками), и даже если убедил на время какую-то часть людей, в конце концов был разоблачён как обманщик (неважно – при жизни или после смерти);

4) воспринимал себя в новом качестве или так воспринимался другими не в шутку, а всерьёз, не в игровой ситуации, а в обычной, повседневной жизни;

5) претендовал на статус, входивший в число привычных, известных или хотя бы принципиально возможных для членов данного социума, прилагал к себе эпитеты, не вызывавшие недоумения или смеха у окружающих, то есть стремился (хотя бы мысленно) вписаться в существующую социальную структуру, найти себе место в данном обществе.

Но не всякий самозванец претендует на корону – часто его амбиции не простираются дальше статуса «бывшего члена Государственной думы» и «отца русской демократии». Лжемонарх (псевдомонарх) – это самозванец, который не только выдаёт себя за верховного правителя государства или члена правящей фамилии, но также стремится получить соответствующие новому статусу властные полномочия: либо добивается признания со стороны официальных властей, либо создаёт свою собственную, автономную сферу властвования – формирует группу сторонников и добивается того, чтобы они беспрекословно его слушались и вели себя как его «подданные».

Стало быть, не всякий, кто называет себя «царём» («царевной»), «государем» («государыней»), является самозванцем. Из поля нашего зрения нужно исключить людей, произносивших

[с. 45]

«непригожие речи», – бахвалов и болтунов, которые если не забывали тут же о своих словесных притязаниях на высочайший статус, то больше их не повторяли, а напротив, отрекались от сказанного и ничем не подкрепляли его¹.

Наконец, российскими следует, очевидно, считать лишь тех лжемонархов, которые в своей мифической ипостаси не просто находились на территории Российского государства (по состоянию границ на данный момент), но хотя бы недолго играли там свою роль, будучи на свободе. При этом неважно, каково было их подданство и этническое происхождение.

Сообразно с этим из числа интересующих нас персонажей исключаются самозванные претенденты на российский престол, которые действовали за границей (например, М. А. Молчанов, Я.-Ф. Луба, И. Вергунёнок) или же оказались в России как арестанты, – к примеру, Т. Акиндинов (Анкудинов) и «принцесса Владимирская» («княжна Тараканова»).

НОМЕР СЕМНАДЦАТЫЙ

17. «Ахия (Иахия, Яхия, Якия), в крещении – Александр, султан и великий князь Оттоманский, сын султана Магомета III», «Александр, князь Черногорский» [2 декабря 1625 – конец августа/ сентябрь? 1626]

Семнадцатым в нашем списке отечественных самозванцев шестствует человек, совершенно безобидный для только что получившей трон династии Романовых. Некто Ахия, объявившись на Руси, сказался всего лишь потомком правителя Оттоманской Порты. Самозванный сын турецкого султана Мехмеда III (1595–1603) был одним из многочисленных авантюристов, бродивших по христианской Европе с конца XVI века и предлагавших свои услуги в организации антитурецкого восстания на землях Османской империи.

Его настоящие имя и происхождение, как это принято у самозванцев, неизвестны. Возможно, он и в самом деле был Ахией, а приняв христианство, стал Александром. Родился он примерно в 1585–1589 годах – скорее всего, на территории Османской империи; был выходцем из греков или южных славян. Внешний облик его нам известен. В 1626 году он выглядел так: «Ростом средней и образом обышной, чорнорус, в лице щупловат, нос плоск, продолговат...».

Ахия начал свою авантюру около 1605 года. Сначала он, видимо, бродил по Греции, Сербии и Болгарии, а затем через Венгрию и Австрию перебрался в Голландию (это случилось не позднее 1614 года). К этому времени он сделал из меди печать – как он сам говорил, «такову ж, какова у прежних греческих царей была». На ней был изображён «орёл двуглавоу, а меж глав над ним коруна, под ногами у орла лежит лисица»². Авантюриста

сопровождал слуга – Марк Фёдоров по прозвищу Македонянин. Кроме того, Ахия обзавёлся «агентами», которых с верительными грамотами и письмами рассылал по Европе.

Живя в Голландии, самозванец наделал кучу долгов (60 000 скудо³) и был вынужден скрыться. В 1615–1616 годах он жил в Париже на средства герцога Неверского. Карл (Шарль) I Гонзага, правитель герцогства Невер и Ретель (1595–1637), был одержим идеей крестового похода на турок, поэтому не только оплатил голландские долги самозванца, но и снабжал его агентов рекомендательными письмами и «паспортами» (документами, дающими право на свободное передвижение). Авантюрист в это время вёл переписку с испанским королём и правителями итальянских государств,

[с. 46]

слал в Османскую империю письма, призывая православных восстать против турок и обещая им военную помощь.

Когда Ахия разругался с герцогом Неверским, он перебрался в Италию – жил в Савойе, Флоренции, Риме и Венеции. Местные правители если не покровительствовали, то, по крайней мере, не мешали ему, и он брал в долг большие суммы денег, обещая уплатить сторицей в то светлое время, когда он удобно воссядет на султанском троне.

Но для войны с турками нужны были войска, которых самозванец так и не получил. Тогда он отправился просить помощи у Рудольфа II Габсбурга, правителя «Священной римской империи германской нации». Из Вены Ахия по-прежнему слал письма в Италию – в Турин, Флоренцию, Венецию. Ничего не добившись от «цесаря», Александр, он же Ахия, отправился в Речь Посполитую. В конце 1617 – начале 1618 года он объявился в Кракове и пытался получить желаемое от хорошо известного читателям «Родины» польского короля Сигизмунда III – тщетно. Чуть раньше он просил замолвить за него перед королём словечко правителя Флоренции Козимо II Медичи (1609–1621) и его мать, но получил лишь уклончивые отписки.

Судя по всему, последующие шесть лет Ахия провёл, курсируя из Польши в Австрию и обратно. Он стал свидетелем начала Тридцатилетней войны (1618–1648), побывал в Чехии, посетил Белоруссию и юг Украины. Никакой военной помощи самозванец не получил, зато в качестве «князя Александра Черногорского» познакомился с некоторыми представителями польской знати – например, Сигизмундом Радзивиллом. Кроме того, Ахия вошёл в контакт с «лисовчиками» – профессиональными наёмниками из подданных Речи Посполитой, в том числе запорожцев (это название они получили в Смуту, когда подобными войсками руководил Александр Лисовский, сподвижник Лжедмитрия II). По их совету самозванец отправился в Запорожскую Сечь, куда его сопровождал другой авантюрист, покинувший Россию князь Иван Мосальский.

КАЗАЧИЙ КАНДИДАТ

21 октября 1624 года Ахия прибыл в Киев. Мосальский сразу же явился к Иову Борецкому, митрополиту Киевскому (1620–1631), и сообщил, что в город приехал «турсково салтана сын», крещёный в православную веру. На следующий день состоялась первая встреча митрополита и Ахии. Самозванец на греческом языке изложил свою мифическую биографию (мы её поместили отдельно) и попросил митрополита его исповедать и причастить, но Иов его только исповедал. При этом самозванец поклялся, что рассказал о себе правду, а митрополит велел ему зафиксировать автобиографию на бумаге и уже с этим «письмом» явиться к причастию.

26 октября Ахия вручил Иову краткую историю своей жизни, написанную по-гречески. «И Александр де, пришед к причастью и положи на то своё письмо руку, клялся и присягал, что он турецко салтана сын и, что он про себя митрополиту сказал и в письме своём написал, – всё правда, и ему б zde, на сём свете, быт прокляту и от богу отлучену, да и на том свете милости божии лишену быти». Тем не менее Ахия умолчал о том, что был дружен с герцогом Неверским.

Автобиографию самозванца Иов оставил у себя, а наутро вместе с Ахией отправился в Сечь. Но когда по пути встретил своего приближённого – попа Филиппа, который как раз ехал из Сечи с «милостыней», то велел тому повернуть и сопровождать Ахию, «а сам воротился в Киев». Прежде чем покинуть самозванца, Иов написал «грамоты об нём в Запороги» (гетману и старшинам), вручил их Филиппу и «приказал ему тово Александра беречь, как ево, митрополита».

14 ноября 1624 года Ахия, его слуга Фёдоров и поп Филипп достигли Крылова – крепости на границе владений запорожцев. Там поп отдал самозванцу митрополичьи грамоты и направился обратно в Киев. Ахия же со слугой и казаками поехал в Сечь – «к Войску». В то время Сечь располагалась на днепровском острове Базавлук. Там самозванец оказался 1 или 2 декабря. В том, что сечевики ему поверили, большую роль сыграла рекомендация Иова. Кроме того, как вспоминал сам Ахия, «и казаки их

ЛЖЕМОНАРХИ СМУТЫ

1. «Царевич Дмитрий Иванович, сын царя Ивана IV», он же Лжедмитрий I [13 октября 1604 – 17 мая 1606]* – предположительно Григорий (в миру Юрий Богданов сын Отрепьев), беглый монах.
2. «Царевич Пётр, сын царя Фёдора Ивановича» [зима 1605/ 1606 – 10 октября 1607] –Илья (Илейка) Иванов сын Коровин (Горчаков), по прозвищу Муромец, терский казак.
3. «Царевич Иван, по прозвищу Август, сын царя Ивана IV» [лето 1606 – лето/ осень 1608] – предположительно «вольный» казак.
4. «Царевич Фёдор, сын царя Фёдора Ивановича» [лето 1606 ? – перед 14 апреля 1608] – предположительно «вольный» казак.
5. «Царь Дмитрий Иванович», он же Лжедмитрий II [12 июля 1607 – 11 декабря 1610] – предположительно крещёный еврей, школьный учитель, бежавший из Речи Посполитой.
6. «Царевич Лаврентий (Лавр, Лавёр), сын царевича Ивана Ивановича» [осень 1607/ начало 1608 ? – лето/ осень 1608] – предположительно «вольный» казак.
- 7–13. «Царевичи, сыновья царя Фёдора Ивановича» – Клементий, Савелий, Симеон, Василий, Ерошка (Ерофей), Гаврилка (Гаврил), Мартынка (Мартын) [1607 ? – лето/ осень 1608 ?] – предположительно «вольные» казаки.
14. «Царевич Осиновик, сын царевича Ивана Ивановича» [зима/ весна? – лето 1608] – предположительно «вольный» казак.
15. «Царь Дмитрий Иванович», он же Лжедмитрий III [начало 1611 – 20 мая 1612] – предположительно Сидор (Исидор, Сидорка) или Матвей (Матюшка), беглый дьякон или дьяк.
16. «Царь Дмитрий Иванович», он же Лжедмитрий IV [1611 ? – начало? 1612] – предположительно Гурий.

* Здесь и далее в квадратных скобках указан период пребывания данного лица в мифической ипостаси на территории России – от «проявления» до разоблачения, а если такового не было, то до смерти или отъезда за границу; даты приводятся по старому стилю.

запоросские, которые были с лисовчики и ево знают, про нево сказали ж». Да и ранее в Сечь приходили самозванные искатели престолов (молдавского, валашского и московского) и чаще всего получали поддержку со стороны казаков⁴.

Ахия уверял запорожцев, что, если они с ним выступят, их поддержат «лисовчики многие», православные жители Османской империи, правители Испании и Флоренции. В подтверждение своих слов он послал к «приятелям» на Балканы письмо, где извещал, что вскоре «будет к ним в горы з Запорожским войском». К январю 1625 года помочь самозванцу оружием были готовы 18 тысяч сечевиков – при условии, что он даст им щедрое жалованье (конным – по 6 ефимков⁵ на месяц, пешим – по 4), «да... на всё войско подарку тридцат тысяч золотых полских». Готовы были присоединиться и более 1000 «черкас» – казаков, живших в городках южнее Киева (в Крылове, Черкассах, Переяславе, Каневе, Корсуни, Терехтемире, Нежине, Лубнах и др.). Решено было выступить ещё до весны, «чтоб реки перейти по лёду до моря, а на весне итти морем и Дунаем мимо Волоскую и Мултьянскую землю»⁶ к Царьграду. Дабы не было сомнений в его состоятельности, Ахия дважды писал «князю флоренскому», чтобы тот прислал ему якобы обещанные деньги («60 000 червонных золотых»).

В начале января 1625 года запорожцы отправили к российскому царю Михаилу Фёдоровичу посольство с просьбой о покровительстве. Ахия договорился, чтобы в Москву поехали и его личные посланцы, и продиктовал письмо царю, где именовал себя так: «салтан Иахия Оттоман, во святом крещенье Олександр нареченный»; «салтан Ахия, во святом крещенье Александр, Ототоманус». Он объявлял, что находится в Сечи и собирается «с днепровым воинством» грядущей весной выступить на турок ради возвращения себе «отеческаго и праведнаго... царства Греческаго»; поход планируется «посуху и морем к земли Гречестей», где Ахию ожидает 130 тысяч воинов из болгар, сербов, албанцев и греков – народов, избравших его «законным царём». Тем не менее он просил у царя помощи.

После этого Ахия послал гонца к Иову с просьбой о встрече и отправился в казачий городок Черкассы. Туда он прибыл 20 января. Узнав, что митрополит в Терехтемировом монастыре (60 вёрст от Киева), Александр сразу же туда приехал. Он рассказал о своём договоре с казаками и предложил митрополиту послать к царю Михаилу попа Филиппа вместе с его личными посланцами. Тот отказался, но помог Ахии по-другому – перевёл на украинский язык его автобиографию, а также приписку к ней о пребывании самозванца в Сечи. Взяв перевод, Ахия вернулся в Черкассы.

Оттуда 24 января он отправил вслед за казачьим посольством своих представителей – слугу Фёдорова и запорожца Ивана Мартынова Доброго. При этом самозванец поведал им, что в течение трёх месяцев должен получить «гроши» из Валахии и будет ждать их в Терехтемировой обители. Ахия вручил посланникам перевод своей «записки», а также письмо от Борецкого, в котором тот просил царя помочь «сыну турецкого султана».

21 марта посланники запорожцев и самозванца в Москве объявили, что «турский царевич Олександр Ахия» при поддержке Сечи планирует силой утвердиться на престоле в Царьграде. «А помогат де ему хотят запорожские черкасы, да ему ж де обещал дат шпанской корол на море 60 катарг⁷ разных людей, да княз флоренской 20 тысяч мушкетов да пушки и пищали болшие. Да Олександру ж де царевичю хотят помогат сербы, волохи, и болгары, и албавиты, и иные землицы людми и казноу. Да ему же де хочет помогат крымской Шан-Гирей царевич, потому что он ныне с Турским в недружбе. И чают того, что с ним в собранье с ним будет людей много – тысяч до ста. И как придёт весна, и ему де, с теми со всеми людми сослався, итти под Царьгород. А царьскому величеству бьёт челом, чтоб государь пожаловал – также помоч учинил людми или казноу...».

Но официальной поддержки самозванец не получил и в Москве. Хотя 7 апреля его посланцы и были на приёме у царя вместе с делегатами Сечи, однако отдельно от казаков их не представляли. 10 апреля при «отпуске» посольства думный дьяк Иван Грамотин объявил: государь желает Александру «всякого добра» и всё же помочь ему не может, при этом «для любви» царь шлёт ему подарки на 1000 рублей.

Казачье посольство вернулось в конце апреля. Узнав об этом, самозванец из Черкасс приехал в Сечь. Там он утверждал, что «княжата» православных земель Османской империи писали ему, чтобы он с казаками «пришел к ним в Сербскую землю и в болгары, и оне де, тех земель греки, все пойдут на турецкого царя, чтоб им посадит ево, Олександра, на государство во Царьгороде и учинит бы в Царегороде вера греческая. Да ему ж де, Олександру, хотел помогат казною и людми корол шпанской». Кроме того, Ахия поведал, что флорентийский герцог обещанные деньги ему всё-таки послал, но «тех золотых в Запороги к нему привести не успели, а остались с теми золотыми князя флоренского люди в Кракове у друзей...». Для убедительности самозванец показывал грамоты «за печатью князя флоренского» – те, что получил в 1618 году в Кракове.

Однако выступление перенесли на конец 1625 года – казаки «договорилися с ним, что им всем итти с Александром сее зимы, для ж того, чтоб реки лёдом

[с. 48]

перейти». И дело не только в том, что от самозванца не было оговорённого жалованья, – «казаки ходили на море на Турское города для добычи и там измешкали многое время...» и вернулись лишь к середине августа.

Кстати, в этом набеге на турецкое побережье участвовали и донцы – они выставили 60–70 челнов, а запорожцы – 160. Примерно 300 донцов на обратном пути заехали в Сечь, где с ними познакомился Ахия; «и те донские казаки... говорили ему: будет запорожские казаки с ним пойдут на Турское, ино и они, донские казаки, пойдут с ним все... И слово своё ему на том дали и по рукам с ним били».

В конце августа готовы были двинуться в поход 30 тысяч казаков. Но тут приехал посол от польского короля с указом: на турок и крымцев не ходить; число казаков сократить до 6000; в случае же непослушания коронный гетман Конецпольский имеет право казаков «побити и попленити». Сечевики стали думать, как им быть. «И видя то Александр, что ему ни в чём не спееет, о том оскорбился» и уехал в Крылов.

Вскоре пришла весть, что «идут на черкас и на запорожских казаков... полские люди многи», – это была кара за грабежи на море. Самозванец вновь отправился в Сечь, однако «днепровому воинству» уже было совсем не до него: «Из Запорог козаки розошлис по литовским городом, учели збиратца против гетмана Конецполского». Тогда Ахия «послал к своим приятелем в те земли, в которых ево приняли царём, чтоб ево нынешнево году не ждали – быт ему нелзе потому, что он ожидает, что учинитца у казаков с поляки»⁸.

1 сентября 1625 года Александр поехал в Черкасы, а оттуда «прибежал... опят в Киев к митрополиту, бояс поляков». Власти «проведали, что он у казаков был и казаки с ним на Турское итти хотели. Да и паны де рада к митрополиту писали: ведомо им, что турецкого салтана сын у нево в Киеве был и он ево отпустил к запорожским казаком и к черкасом и велел им збиратца и итти на Турское войною. А у короля и у них с Турским перемирье учинено, а он де хочет опят войну всчать». Было решено схватить самозванца и выдать султану.

С 17 сентября по 27 ноября Ахию укрывал Иов Борецкий – неделю в Михайловском (Архангельском) монастыре под видом монаха, а потом «в селе з деловыми людми и з детёньши в чернеческом платье», куда якобы «прислал ево митрополит дань собрат». Как позднее Ахия вспоминал, где-то в середине октября «к нему от князя флоренского и от иных приятели грамоты привезли, что они к нему денег не прислали, потому что ныне у казаков война и денги ему не надобны; а будет казаки помирились и ныне у них тихо, и ему в них в помочи надежда будет, и он бы к ним отписал во Львов, и они к нему те денги пришлют».

26 ноября Ахия попросил митрополита, чтобы тот его «отпустил в немцы через Полшу на Краков». Но Иов, только что написавший письмо в королевскую раду о том, что он «царику»

не помогал, опасался, что Ахию поймают, и тогда худо будет и ему. «И говорил митрополит, чтоб он ехал в Московское государство...».

ПОСЛАНЕЦ К ФИЛАРЕТУ

27 ноября Борецкий отослал самозванца в Путивль под видом торговца. На следующий день Иов отправил следом попа Филиппа с его слугами, а также трёх слуг и вещи Ахии. Причём Филиппа Иов снабдил письмами не только к царю, но и к его отцу – патриарху Филарету и матери – инокине Марфе Ивановне. В довершение всего митрополит задержал русского купца, посланного из Путивля в Киев «для вестей», и отпустил его уже после того, как Ахия был в пути. Очевидно, путивлец должен был оповестить митрополита, если бы с «царевичем» вдруг что-нибудь случилось по дороге.

2 декабря 1625 года лжемонарх и поп въехали в Путивль. Сначала самозванец представился «литвином» и «купецким человеком», но вечером того же дня перед местными воеводами объявил, «что он турецкой царевич Олександра султан Иахия Могаметов сын». Об этом тут же сообщили в Москву.

16 декабря Боярская дума решала, как поступить: если царь примет Ахию в Москве, это вызовет конфликт с Турцией; с другой стороны, выдать его туркам – значит совершить грех, ибо он – христианин. Было решено приставить к Ахии надзирателя, перевезти «царевича» из Путивля во Мценск и там расследовать, что он за человек и каковы его планы.

«Пристав» Д. Ю. Пузиков прибыл в Путивль 1 января 1626 года, а 3 января Ахия со спутниками и эскортом из 10 стрельцов отправились по маршруту Путивль – Рыльск – Севск – Мценск. В конечный пункт они прибыли 9 января. Ахию поселили «в остроге» рядом с «приставом» и следователями (Д. В. Лодыгиным и Г. Нечаевым, приехавшими 5 января). Самозванца охраняли днём и ночью, дабы у него не было ни с кем контактов и чтобы он и его люди «никуда безвестно не уехали».

В ходе январских «роспросов» Ахия предъявил следователям печать и рассказал о своей жизни. При этом умолчал о сотрудничестве с герцогом Неверским и о том, что был в Польше ранее 1623 года, а показав две грамоты из Флоренции (те самые – 1618 года), «говорил, что ему по тем... грамотам взят в Кракове у друзей своих 60 000 золотых, что к нему послал князь флоренский на помоч...».

Поведал «сын султана» и о своих планах. Первый вариант был таким: если царь и патриарх «донским казаком с ним через Чорное море итти велят, и он хочет туды итти, и казаки запорожские с ним пойдут же...И он бы прошол с ними рекою Доном да Чорным морем в реку в Дунай и Дунаем рекою в Болгарскую землю, а болгары – ево государства люди и учнут збиратца тотчас. А буде государь тово не пожалует – донским казаком итти с ним не поволит, и государи б пожаловали ево – велели дати мушкетов, сколько они, государи, пожалует, и пропустит ево Доном же рекою, чтоб ему проехат Чорным морем в болгары».

Второй вариант предусматривал путешествие в Италию по Балтике или Белому морю и «через немецкие государства». Ахия говорил, что если царь и патриарх «казаком помочи учинити и мушкетов дать не велят, и они б, государи, пожаловали ево – велели пропустит через свои государства на Великий Новгород или на Архагельской город, чтоб ему проехат к шюрину своему ко князю флоренскому, и взяв бы у него и у иных приятелей, которые похотят помогат, казну и мушкеты, и итти в своё государство...». Самозванец планировал «притти на Турское государство среди земли, где мест и городов крепких нет и которые места блиско Царьгорода»; после этого, как он полагал, Царьград будет взять нетрудно, «потому что турки бывають болши по границам», а кроме того, наверняка поднимут восстание местные греки.

Лжемонарх отчаянно льстил молодому Михаилу Фёдоровичу. Однажды он заявил, что «толко де на сём свете два великие царя и самодержавцы: в бусурманских языцех – турецкие салтаны, а в християнх – великие государи цари Московские», ибо в других странах власть правителей ограничена. В другой раз Ахия вспомнил о пророчестве, будто бы прочитанном в

греческих книгах, что «государи московские турков осилеют и Царьгород и всю Греческую землю [от тур]ские неволи высвободят...».

Русские чиновники отзывались о

[с. 49]

самозванце так: «Смышлён и в речи остерегателен, и языки говорит и грамоте научен многих земел». Действительно, к 1626 году Ахия знал турецкий язык, древнегреческий («еллинский») и новогреческий, сербский, латинский, польский, итальянский и французский языки. Кроме того, он говорил немного на голландском, испанском, немецком, болгарском и украинском. В России он стал потихоньку осваивать и русский.

Пузиков доносил в Москву, что Ахия «говорит де с попом и с людми по-полски, а которые де слова от попа Филипа и от ево людей таит, и он с людми своими говорит по-турски...». Следователи сообщали нечто подобное: «И Александр Иахия с нами... говорил по-полски, а иное кабы по-сербски, а иные немногие слова и по-русски впрям, а не так, как говорят на Украине, и не так, как говорит киевской поп Филип, а болши говорил по-полски. А грамоты... болгарской и сербской, сказывал, не умеет... Да и сам... Александр с нами... говорил, что он руские грамоты честь маленко умеет, а слова де многие знает потому, что де сербская грамота с рускою во многих словах сходитца. Да и поп Филип нам... сказывал, что Александр с ним Псалтыр чтёт по-сербски с русского обычая...»

Возможно, Ахия не врал, когда говорил, что «был в науке» в Италии. По крайней мере, он читал некую «Космографию»⁹, немало знал о «Новом Свете» и кое-что – о «Катанском царстве» (Китае). Он также знал о походах Александра Македонского и Тимура, взаимоотношениях крестоносцев и византийцев, государственных переворотах в Турции.

Однако у российских властей самозванец вызывал подозрение. Прежде всего потому, что не предъявил «проезжих» и «свидетельственных» грамот от европейских государей. Станным выглядело и его заявление, что на православие посягают лишь папа с иезуитами, а европейские «короли и князи... воли в вере ни у каких людей не отнимают», да и турки христиан «к своей вере силно не приводят».

Кроме того, изложив свою мифическую биографию, Ахия потом сообщал нечто, противоречащее сказанному. Он вдруг вспомнил, что к нему от разных государей «писано де во многих грамотах не салтаном Ахией – князем Александром Черногорским». Случайно самозванец упомянул о том, что «князь флоренский» – его шурин (Ахия «сестру свою за нево зговорил»), и о том, что оставил на хранение в Киеве «лист о проезде» от минского архиепископа (значит был-таки в Минске!).

Московские власти сомневались и в том, что Ахия – действительно православный. С одной стороны, поп Филипп и русские чиновники не замечали в его молитвах (на греческом) и культовых действиях того, что присуще «латынникам». Следователи заметили, что «он на образ Пречистые Богородицы взирает часто умилным обычаем», а несколько раз, глядя на него во время клятвы, и «прослезился». С другой стороны, они же доносили: «А как де Александр учнёт садитца есть, и тогде учнёт говорити "Отче наш" перед образом или перед крестом, что где у крестьян в избе есть, и... перекрестяс неуряд, но помахав рукою, куды лицом стоит, туды и поклонитца. Иногда и хрептом к образу стоит и в шапке, и он так и поклонитца, к образу и не оборотятся». Смущало и то, что Ахия не просился в церковь.

Впрочем, если бы он и попросился, то его, по указу патриарха Филарета от 23 января 1626 года, пустили бы лишь в неосвящённую трапезную, причём с такими объяснениями: «Он ныне учинил себе хохол и называетца поляком, а в Росийском государстве поляков с хохлы в церков не пускают, потому что поляки от православные веры отпали». (Ахия и его люди не только говорили и одевались по-польски, но и побрили головы, оставив лишь пучок волос).

Тогда же, 23 января царь Михаил Фёдорович повелел отправить Александру в подарок рыбу, икру и вино, а также указ, где говорилось, что военной помощи не будет, но если Ахия желает покинуть Россию, то ему нужно будет ехать в Архангельск. Этот указ был зачитан самозванцу 31 января.

Но нужно было ещё получить царское разрешение на выезд. Устав ждать, самозванец 19 февраля попросил следователей написать в Москву о его желании отпустить вместе с попом Филиппом на Украину своих двух слуг с письмами «земел своих ко князем и ко всяким людем и в Краков к друзем своим и во влохи ко князю флоренскому, объявляючи про себя, где он сколко был и где ныне». Однако следователи объявили, что его слуг «через Полшу и через Литву отпустит нелзе» и что в Москву об этом писать незачем.

26 февраля Ахию наконец-то ознакомили с царским указом о его «отпуске» (от 18 числа). Получив 150 рублей «на платье и на всякую нужду», лжемонарх с тремя слугами на следующий день покинул Мценск. В сопровождении «пристава» и пяти охранников он поехал по маршруту Коломна – Ростов – Ярославль – Вологда – Устюг Великий – Соль Вычегодская. В последнем городе ему было велено стоять «в остроге», «покаместа корабли к Архангелскому городу придут» (то есть до конца июня), и ждать нового царского указа. Судя по всему, Ахия покинул Россию в конце августа или сентябре 1626-го.

Известно, что в 1627–1635 годах он переписывался с флорентийским герцогом, а примерно в 1630–1633 годы и жил во Флоренции. Там с его слов была записана история его жизни, но потом великий герцог приказал провести следствие, дабы установить обоснованность притязаний Ахии на цареградский престол, и самозванцу, видимо, пришлось бежать.

Через Австрию и Польшу он приехал на Украину. В первой половине 1637 года Ахия послал «лист» в Запорожье и на Дон, где называл себя Александром, «греческаго царя сыном», и писал, чтобы казаки шли к нему «в сход в Чернигов». Но в это время донцы при помощи запорожцев пытались взять турецкую крепость Азов, поэтому, хотя его «лист» и был зачитан «в кругах» донских и запорожских казаков, самозванец поддержки не получил. Что было с ним потом – неизвестно.

Источники

*Кулиш П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. 1. С. 148–153, 157–286 (в публикации много ошибок и пропусков).
РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1625 г. Д. 2.*

[с. 50]

МИФИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ САМОЗВАНЦА

Ахия рассказывал, что родился он в турецком «местечке Макгнисии», где находится школа, куда по традиции отправляют на обучение 15-летних сыновей султана. Так там оказался и будущий султан Магомет III, который не только учился, но и был «над Макгнисею уделным князем». У него от разных жён родились четыре сына, в том числе «султан Иахия». Мать его была дочерью грека Георгия, котельника из Трапезунда. Официально она была мусульманкой и «султаной Ляльпаре», а втайне – христианкой с именем Елена.

Когда Магомет III взойшёл на трон, Ахии уже было 5–6 лет, и Елена с отцом решили бежать, опасаясь того, что султан велит их всех убить. После многодневного плаванья по морю они «пришли до Амморей¹⁰ до места Брацыона Манненского, где живут люди свободные и не боячися потуги турецкое», причём все они христиане и «государя у них нет, живут по горам».

Там беглецы прожили два года, не говоря, что Елена – «салтана турсково жена». Открылись они лишь митрополиту Селунскому Козме, приехавшему «для исповеди и ученья крестьянских людей». Митрополит в соответствии с обрядами восточной церкви окрестил «султана Иахию» и назвал его Александром. Елена одарила иерарха и отдала ему сына «для наученья», а сама ушла в монастырь.

Козма увёз мальчика к себе и «приставил к нему учителя – инока Нила». Семь лет Ахия «учился писма святого и православное науки и веры». В 1604 году, когда ему было около 15 лет, митрополит «привёз ево к матери ево».

Елена и Козма отправили Ахию («в смирном платье, как носят церковники, и волосы учиня у него так же, что у клирика») к «цесарю» Рудольфу, дав денег и «грамоты». Елена писала, что Ахия – «турсково Магамет-салтанов сын, и для того она ему и знаки царские дорогие дала, чтоб цесарю было то верно». Козма тоже писал о высоком происхождении Ахии и просил императора, чтобы он его «у себя сохранил и помоч бы сему на Турсково учинил, чтоб ему отца своего государство доступит».

Император «принял ево честно, и был он у цесаря год». Рудольф «помогат ему хотел», но его остановило заключение мира с турками. Поскольку султан Ахмет¹¹ потребовал выдать ему Александра, император, дав Ахии 2000 ефимков, послал его к великому герцогу Флорентийскому Фердинанду¹², который «всегда с турки войну ведёт».

Фердинанд принял Ахию «з великою честью», но через 3 месяца умер. Его преемник и сын Козма¹³ сначала разузнал об Ахии, «кто он и от ково родился и где мат ево, и посланцов к матери ево... посылывал». После этого снабдил Ахию 8-тысячным войском и послал морем «ко князю Маноглю», который был «государем над Тиром и Сидоном и над иными городами блиско Иерусалима» и вёл войну с турками. (Его подданные «именуютца християне, а вера у них – Несториевы ереси, да и обрезаютца по-турски. А сам княже Маногля – ни турчанин, ни арап верою, кабы епикур»).

Вместе с этим князем, у которого были 23 тысячи воинов, Ахия воевал почти 2 года. Но турок было 200 тысяч, и в решающей битве победу одержали они. Ахия же и Маногля бежали в Италию. По пути они потопили «каторги», на которых плыли 17 тысяч турок.

Будучи в Италии, Ахия и Маногля просили помощи «у папы римсково, и у короля шпансково, и у иных», обращались к «немецким королем и князем», но желаемого не получили – даже после того, как Ахия лично поговорил с папой Павлом V¹⁴ и тот «писал от себя грамоты к шпанскому и ко францовскому королем и к иным княжатам италиянским, чтоб они Маноглю помогали и на Турсково с ним шли».

Из Рима Ахия и князь переехали во Флоренцию и жили там 3–4 года, «ожидаючи помочи против турка». Устав ждать, Маногля вернулся в Сирию, помирился с турками и вновь стал править своим княжеством.

В 1614 году испанские торговцы были в Царьграде и рассказали там об Ахии. С ними «некоторые паши турецкие», не зная, что Александр христианин, отправили ему письма, где предлагали собрать в Европе войско и прийти «в Турскую землю на границу», а они-де отравят султана Ахмета и возведут Ахию на трон. Однако торговцы эти «грамоты» передали испанскому королю. Тот послал к матери Александра «для свидетелства об нём людей своих», а потом попросил флорентийского правителя отпустить его в Испанию «для береженья». Великий герцог отказал королю, и тогда тот скрытно прислал Александру копии «грамот от турецких пашей» и письмо от себя с обещанием, что если Ахия приедет в Испанию, то «он учнёт ему помогать». Ахия попытался тайно покинуть Флоренцию, но был задержан. Его отпустили после того, как испанский король дал обещание принять Александра «с великою честью».

Король сдержал обещание, но военной помощи Ахии не оказал. Через некоторое время Александра отослали в Неаполь, где он жил, получая от короля 6000 талеров на год (500 ефимков на месяц). Сразу по приезде Ахия разослал «грамоты» 12 «владельцам, которые всю землю шпанскую строят и всякие дела ведают... и просил у них того, чтоб ему помоч на Турсково учинили или ево из Неополя отпустили».

В это время униатские и католические иерархи подговорили «князя Ниверненского»¹⁵ послать агитаторов к православным, не подпавшим под власть османов; имелись в виду сербы, болгары, албанцы («албаниты»), «макгни» («маны», «маневцы», т. е. жители «гор Манейских»), «кучи», «клименти», «белопавлики», «плавы», «герцековины», «дуказины», «химары». Агитаторы добивались того, чтобы «князя Ниверненского» избрали «царём грецким», поскольку он якобы сторонник православия и потомок «греческих царей Палеологов». Эта затея почти удалась, однако её разрушил Иван, архиепископ Сербский. Благодаря ему знатные люди «свободных мест» предложили Ахии стать их царём. Были составлены «кондиции», которые в 1615 году Ахия и подписал в Неаполе.

Он обязался быть правителем «благочестивым и православным», оберегать «уставы и веру» восточной церкви, признавать в качестве её главы лишь патриарха Константинопольского, отдавать церкви третью часть военной добычи; строить и снабжать «школы, странноприемницы, гостинницы», а также больницы («шпитали») и богадельни; вернуть «честным ратным людям» их земли, захваченные турками; сделать так, чтобы турки, живущие среди греков, «у себя не имели лошадей, ни ружья и никакова богатства и были б церквам и монастырем пашенные люди и.. греком покорны».

Делегаты с Балкан вручили Ахии «государственную печать», а он, в свою очередь, передал своим подданным наказ, что «как ево будет время, и он придёт во Аморею или до гор Маненских, и они б все, услышав то, к нему сходилися тотчас, чтоб им над турками промышлят». Когда же «князь Ниверненский» под именем Константина Палеолога вновь

[с. 51]

прислал на Балканы агитаторов, Александр в письме повелел их «побить».

О его избрании «царём грецким» узнал римский папа и призвал к себе, но Александр не поехал. Когда же наконец ему разрешили покинуть Неаполь (в 1615 году, после семи месяцев ожидания), местный «воевода» заставил-таки его поехать в Рим. Папа уговаривал Ахию присягнуть «римскому костёлу» и подписать обязательство, что когда он станет греческим царём, то православную церковь соединит с католической. Однако он отказался и как-то ночью тайно бежал из Рима.

Оказавшись во владениях флорентийского герцога, Ахия распустил служивших ему наёмников, оставив лишь четырёх французских капитанов, и с ними, не заезжая во Флоренцию и «наряжаясь в убогое платье», отправился «через Шпанскую и через Французскую землю к морю». В Анконе они сели на корабль и поплыли «до гор Манейских».

«Маннейские люди» радостно приняли его и «царём оголосили». Вскоре у него было 9000 воинов. «И хотел он итти в ыные земли, которые ему поддалися», но об этом узнал султан Ахмет и прислал 40 кораблей и 30 000 воинов. В 1617 году были «бои великие»: турки потеряли 17 000 человек, Ахия же – всё войско, к тому же был ранен. Он бежал в Албанию и решил «постритца в чернцы», но ему помешал архиепископ Сербский Иван, который даже пригрозил, что если Ахия перестанет бороться, то «он со всеми епископы с нево благословенье съмут и проклятию предадут». Тогда Ахия начал набирать наёмное войско («жолнерство»). С «дружиною» в 300 человек он бродил по Албании, Сербии, Македонии и Болгарии, спасаясь от врагов и переписывая местных жителей. Оказалось, что можно поднять на войну 310 000 человек. Но их было нужно вооружить, поэтому Ахия с верными капитанами-французами отправился во Флоренцию за мушкетами и «зельем» (порохом).

Александр добивался помощи семь месяцев. Наконец великий герцог пообещал ему 20 000 мушкетов, «зелья и свинцу», а также корабли для перевозки («армату») и до 4000 воинов с «нарядом» (пушками). При этом Козма посоветовал Ахии вернуться к его сторонникам на

Балканах и выбрать с ними место будущей высадки и выгрузки. Кроме того, был заключён договор, согласно которому Ахия, вернув себе отцовский трон, женится на сестре герцога при условии, что она перейдёт в православие.

В 1619 году Ахия покинул Флоренцию, но когда прибыл в Албанию, то узнал, что многие из его сторонников умерли от голода и мора. Лишь через три года Ахия был готов к войне с турками. Ему на руку было то, что в Османской империи началось «великое замешенье» (неурядицы и мятежи) и что она воевала с Персией. В сопровождении шести соратников Ахия под видом торговца лошадьми и «в платье по-турски» отправился во Флоренцию за помощью.

На этот раз он выбрал путь по суше через Дунай, Польшу и владения «цесаря Фердинанда»¹⁶, который был «старо ему знаком и друг и приятел», так как ранее обещал Ахии «дават помоч, как государство своё доступат»; к тому же сестра императора была женой флорентийского герцога и лично знала Ахию.

В это время «князь Ниверненский» и папа римский начали готовить крестовый поход на турок. Местом сбора наёмного войска был город Оломоуц в Чехии. Узнав, что Ахия находится «у цесаря», руководители предприятия пригласили его в Оломоуц, где предложили пойти с ними. Александр выдвинул условие, что «они учинят ево царём благочестивым во Царегороде и во всей Греческой земли», но получил отказ.

Из Австрии Ахия направился в Речь Посполитую. 25 декабря 1623 года он со спутниками приехал в Каменец-Подольский, откуда 6 января 1624 года направился в Краков. Там его «узнали» поляки, с которыми он когда-то учился в Италии, – маршалок¹⁷ Вольский, «староста Лянскорунской пан Жебридовской» и «пан Сендомирской». По их совету он отправил письмо флорентийскому герцогу с просьбой послать «от себя лист к полскому королю, чтоб к нему, Александру, был советен и вспомогал». Желаемый «лист» Ахия получил уже «в дороге, как он ис Кракова поехал к цесарю», однако всё же переслал его королю через Вольского. Уже будучи при «цесаре» он получил письмо от маршалка с извещением, что «корол де тот лист, приняв, и поставил ни во што».

Примерно с апреля по август 1624 года Ахия жил в Вене. Там он познакомился с ехавшим в Рим польским королевичем Владиславом «и по рукам с ним и с цесаревым братом арцкнязем Карлом бил». На приёме у «цесаря» Александр напомнил ему о давнишнем обещании дать войска. «И цесарь ему отказал», сославшись на то, что ему нужны люди для войны с «люторы и съ евангелики»¹⁸. От Фердинанда Ахия узнал, что «князь флоренской» Козма умер. Тогда Александр упросил «цесаря» написать письмо новому правителю Флоренции¹⁹, дабы тот предоставил-таки боеприпасы и оружие.

Пока Ахия ждал ответа из Италии, на него вышли командиры «лисовчиков» (среди них был С. Радзивилл), «и приехав к нему в Ведну, говорили ему, что им у цесаря ныне службы нет и заслуженых денег им не дают, а в Полшу и в Литву итти им нелзе, а ему ныне люди надобны, и он бы с ними ехал к войску их в Муравскую землю²⁰, а они с ним пойдут на Турсково войною».

Из 16000 «лисовчиков» Ахия отобрал половину и пообещал щедрое жалованье: ротмистрам – по 100 ефимков на месяц, прапорщикам – по 30, а рядовым – по 8. «И говорил им он, Александр, чтоб им итти через Полшу и Волоскую и Мунтянскую землю в болгары и в серби и там бы, собрався, итти против Турсково». Однако эта идея пришлась не всем по душе, и «лисовчики» разбрелись в разные стороны. Тогда их «лутчие люди» посоветовали Ахии пойти за помощью в Запорожье.

Ахия с пятьюдесятью «лисовчиками» направился к Люблину, недалеко от которого был дом одного из его спутников – «пана Вонсовича». Там Ахия прожил два месяца. Потом он провёл три дня в Люблине и поехал в Киев, куда его сопровождали уже двенадцать «лисовчиков». Среди них был и князь Мосальский. В Киев они прибыли 21 октября 1624 года.

Примечания

- ¹ См.: Усенко О. Г. Кто такой «самозванец»? // Вестник славянских культур. 2002. № 5–6. С. 39–51.
- ² На самом деле в Византии «двуглавый орёл не получил геральдического значения». Зато в других православных странах (Сербии, Болгарии, Черногории, Албании и Румынии) «он утвердился именно в качестве герба» (Хорошкевич А. Л. Символы русской государственности. М., 1993. С. 22–23).
- ³ Скудо – итальянская монета из серебра (31,8–33,5 г) или золота (3,3–3,6 г).
- ⁴ См.: Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 1995. Кн. 1. С. 489; Он же. Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 48, 60–61.
- ⁵ Ефимок – русское название талера (25,2–27,2 г чистого серебра).
- ⁶ Речь о Валахии и её южной части – Мунтении.
- ⁷ «Каторгой» в Древней Руси называли галеру.
- ⁸ «Ляхи» – изначальные католики, «поляки» – бывшие православные, ставшие католиками, униатами или протестантами.
- ⁹ «Космография» – древнерусское название иностранных и переводных трудов по географии.
- ¹⁰ Видимо, это Морея – прибрежная область на юго-западе Греции.
- ¹¹ Ахмед I (1603–1617).
- ¹² Фердинандо I Медичи (1587–1609).
- ¹³ Козимо II Медичи (1609–1621).
- ¹⁴ Был понтификом с мая 1605 по январь 1621 г.
- ¹⁵ Видимо, это герцог Неверский.
- ¹⁶ Фердинанд II Габсбург (1619–1637).
- ¹⁷ Маршалок – управитель королевского двора
- ¹⁸ Речь идёт о начавшейся Тридцатилетней войне.
- ¹⁹ Фердинандо II Медичи (1621–1670).
- ²⁰ Речь идёт о Моравии.